

Поэты группы « ОБЭРИУ »

Даниил Хармс

Глядел в окно могучий воздух
погода скверная была
тоска и пыль скрипели в ноздрях
река хохлатая плыла

Стоял колдун на берегу
махая шляпой и зонтом
кричал: смотрите я перебегу
и спрячусь ласточкой за дом

И тотчас же побежал

пригибаясь до земли
в его глазах сверкал кинжал
сверкали в ноздрях три змеи

На смерть Казимира Малевича

Памяти разорвав струю,
ты глядишь кругом, гордостью сокрушив лицо.
Имя тебе — Казимир.
Ты глядишь, как меркнет солнце спасения твоего.
От красоты якобы растерзаны горы земли твоей,
Нет площади поддержать фигуру твою.
Дай мне глаза твои! Растворю окно на своей башке!
Что ты, человек, гордостью сокрушил лицо?
Только муха — жизнь твоя, и желание твое — жирная снедь.
Не блестит солнце спасения твоего.
Гром положит к ногам шлем главы твоей.
Пе — чернильница слов твоих.
Трр — желание твое.
Агалтон — тощая память твоя.
Ей, Казимир! Где твой стол?

Хвала изобретателям

Хвала изобретателям, подумавшим о мелких

и смешных приспособлениях:

О щипчиках для сахара, о мундштуках для папирос,

Хвала тому, кто предложил

печати ставить в удостоверениях,

Кто к чайнику приделал крышечку и нос.

Кто соску первую построил из резины,

Кто макароны выдумал и манную крупу,

Кто научил людей болезни изгонять отваром из малины,

Кто изготовил яд, несущий смерть клопу.

Хвала тому, кто первый начал

называть котов и кошек человеческими именами,

Кто дал жукам названия точильщиков,

могильщиков и дровосеков,

Кто ложки чайные украсил буквами и вензелями,

Кто греков разделил на древних и на просто греков.

Вы, математики, открывшие секреты переключивания спичек,

Вы, техники, создавшие сачок — для бабочек капкан,

Изобретатели застежек, пуговиц, петличек

И ты, создатель соуса-пикан!
Бирюльки чудные, — идеи ваши — мне всего дороже!
Они томят мой ум, прельщают взор...
Хвала тому, кто сделал пуделя на льва похожим
И кто придумал должность — контролер!

Николай Заболоцкий

Лицо коня

Животные не спят. Они во тьме ночной
Стоят над миром каменной стеной.

Рогами гладкими шумит в соломе
Покатая коровы голова.
Раздвинув скулы вековые,
Ее притиснул каменистый лоб,
И вот косноязычные глаза
С трудом вращаются по кругу.

Лицо коня прекрасней и умней.

Он слышит говор листьев и камней.
Внимательный! Он знает крик звериный
И в ветхой роще рокот соловьиный.

И зная все, кому расскажет он
Свои чудесные виденья?
Ночь глубока. На темный небосклон
Восходят звезд соединенья.
И конь стоит, как рыцарь на часах,
Играет ветер в легких волосах,
Глаза горят, как два огромных мира,
И грива стелется, как царская порфира.

И если б человек увидел
Лицо волшебное коня,
Он вырвал бы язык бессильный свой
И отдал бы коню. Поистине достоин
Иметь язык волшебный конь!
Мы услышали бы слова.
Слова большие, словно яблоки. Густые,
Как мед или крутое молоко.
Слова, которые вонзаются, как пламя,

И, в душу залетев, как в хижину огонь,
Убогое убранство освещают.
Слова, которые не умирают
И о которых песни мы поем.

Но вот конюшня опустела,
Деревья тоже разошлись,
Скупое утро горы спеленало,
Поля открыло для работ.
И лошадь в клетке из оглобель,
Повозку крытую влача,
Глядит покорными глазами
В таинственный и неподвижный мир.

Игорь Бахтерев

**Один старик вместо лампы
себя повесивший**

Тихо в комнату мою двери отворяются
Тихо в комнату мою старички являются

У раскрытого окошка ветерки колышутся
Управдомов голоса за окошком слышатся.
И крадутся старички к этому окошечку
Из кармана достают небольшие ложечки
А на ложечках сидят воробейки птички
Длинные хвосты у них и смешные личики.
Стал летать один из них ровными кругами
И летая говорил птичьими словами:
Наши берди не для вас
Ваши тверди не для нас
Мы ритать хотим как вым
Крылетать вам не дадим.
Вслед за птичкой старичок
Тоже разлетался
В подтверждение чего ложечкой махался
Завершая третий круг очень утомился
Пролетая потолок за крючок схватился.
Лампу он напоминал и висел часами
Воробей давно уснул под его усами.
Тихо стало за окном голоса не слышатся
В тихой комнате моей старичок колышется-колышется.

Геннадий Гор
«Блокада»

Я девушку съел хохотунью Ревекку
И ворон глядел на обед мой ужасный.
И ворон глядел на меня как на скуку
Как медленно ел человек человека.
И ворон глядел но напрасно
Не бросил ему я Ревеккину руку.

И Тассо рот открыл, чтобы сказать мне слово,
И Рембрандт огорчил меня печалью.
А слово стало девушкой снова,
А время стало бурей и качелью.
И Тассо рот открыл, чтобы сказать мне снова,
И снова словом стала девушка и сразу
С руками круглыми как ваза,
С ногами тонкими как роза.
И Тассо рот открыл, но нету слова,

И Рембрандт закричал, но нету крика.
И что мне девушка, что слово, что мне слава,
Я снова у разбитого корыта.

Здесь лошадь смеялась и время скакало.
Река входила в дома.
Здесь папа был мамой,
А мама мычала.
Вдруг дворник выходит,
Налево идет.
Дрова он несет.
Он время толкает ногой,
Он годы пинает
И спящих бросает в окно.
Мужчины сидят
И мыло едят,
И невскую воду пьют,
Заедая травой.
И девушка мочится, стоя
Там, где недавно гуляла.

Там, где ходит пустая весна,
Там, где бродит весна.

Хохот в лесу. Мзда на мосту.
Свист вонзившийся в похоть.
Ночной птицы плач.
Девушка-кукиш, унылый калач.
Колесо по руке, поцелуй палача.
Топором по плечу. Полечу к палачу.
Смешалось все, румынка с ребенком
И кровь, и рябина, и выстрел, и филин,
И ведьма двуперстая вместе с теленком,
И мама, и ястреб безумьем намылен,
И брюхо, и ухо, и барышня-срам
С тоскою, с доскою, с тобой пополам.
Я море прошу, но море – молчальник.
Я ухо держу, но ухо – начальник.
Я маму хватаю, но мама кипит.
Я папу за лапу, но папа сопит.
Подушкой у чорта, убитый клюкою,

Я с Вием, я с Ноем, я вместе с тобою,
Я с дедушкой в яме, с женой на краю.
Я в щелке, я в дырке, в лохматом раю.
Я – сап, я – кукушка, чахотка и сон.
Я – веник, я – лампа, я – тыква, я – сом.
Я пень королю. Я помощник тюрьме.
Я поп без ноги, я помещик в суме,
С доскою, с тоскою, с лягушкой в уме.

Марина ЦВЕТАЕВА

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я -- поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,

-- Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной
Распущенной-и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.

Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью - всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня - не зная сами! -
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас на головах,
За то, что Вы больны - увы! - не мной,
За то, что я больна - увы! - не Вами.

С большою нежностью — потому,
Что скоро уйду от всех —
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,

Кому — развеживающий плед

И тонкая трость с борзой,
Кому — серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...

И все — записки, и все — цветы,
Которых хранить — невмочь...
Последняя рифма моя — и ты,
Последняя моя ночь!

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель замечает след.

Мимо окон моих — бесстрастный —
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою — не зарюсь!

Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое,
Поцелую вечерний снег. —

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий-святыя славы-
Вседержитель моей души.

Мировое началось во мгле кочевье:

Это бродят по ночной земле — деревья,
Это бродят золотым вином — грозди,
Это странствуют из дома в дом — звезды,
Это реки начинают путь — вспять!
И мне хочется к тебе на грудь — спать.

Попытка ревности

Как живется вам с другою, —
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговую
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По небу — не по водам!)
Души, души! быть вам сестрами,
Не любовницами — вам!

Как живется вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с одного сошед),

Как живется вам — хлопчется —
Ежится? Встается — как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

"Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму".
Как живется вам с любовью —
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? Приестся — не пеняй...
Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здесьнею? Ребром — любя?
Стыд Зевесовой вождою
Не схлестывает лба?

Как живется вам — здоровится —

Можется? Поется — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и начисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной-
Вам, познавшему Лилит!

Рыночную новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых

Чувств?

Ну, за голову: счастливы?

Нет? В провале без глубин —

Как живется, милый? Тяжче ли —
Так же ли — как мне с другим?

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет — мелкой,
Миска — плоской,

Через край — и мимо
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

Сад

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

На старость лет,
На старость бед:
Рабочих — лет,
Горбатых — лет...

На старость лет
Собачьих — клад:
Горячих лет —
Прохладный сад...

Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни-лица,
Без ни-души!

Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!

Без ни-ушка

Мне сад пошли:
Без ни-душка!
Без ни-души!

Скажи: довольно муки — на
Сад — одинокий, как сама.
(Но около и Сам не стань!)
— Сад, одинокий, как ты Сам.

Такой мне сад на старость лет...
— Тот сад? А может быть — тот свет?
На старость лет моих пошли —
На отпущение души.

[← précédent](#)

9 C

[suivant →](#)

9 E